

Сергей Кондратенко

Рец. на: От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы. В 2 т. / Отв. сост. А.В. Репников. Т. 1. 436 с.; Т. 2. 414 с. М.: Политическая энциклопедия, 2018

Sergey Kondratenko

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: Ot natsionalizma k kollaboratsionizmu: Pribaltika v gody Vtoroy mirovoy voyny: dokumenty. In 2 vols. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870015482-1

75 лет назад была поставлена точка в самой страшной войне в истории человечества — Второй мировой. Однако нешуточные баталии вокруг неё начались в учёных кабинетах, офисах политиков и информационном пространстве, а эпизоды тех страшных лет стали аргументами в политическом противостоянии. Наиболее остро данная проблема стоит во взаимоотношениях между Россией и странами постсоветского пространства, особенно с прибалтийскими республиками. Так, камнем преткновения стала трактовка коллаборационизма в годы войны, которая быстро вышла за рамки чисто научной проблемы. Вернуть обсуждение в русло дискуссии специалистов возможно с помощью публикации новых источников, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Авторы-составители рассматриваемого издания пишут, что задача сборника — дать представление о мотивах активного сотрудничества прибалтийских националистов и коллаборационистов «с нацистами в рассматриваемый период, обстоятельствах их действий, а также в определённой мере представить ту информацию о них, которая была доступна советскому руководству» (т. 1, с. 6). Для решения поставленной задачи использованы документы РГАСПИ, ГА РФ и РГВА, архивов Президента Российской Федерации (АП РФ), Службы внешней разведки, центральных архивов Ми-

нистерства обороны (ЦАМО РФ) и Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Около 50% представленных материалов опубликованы впервые. Первый том сборника состоит из введения, археографического предисловия, трёх разделов и примечаний. Во второй вошли четвёртый и пятый разделы, а также научно-справочный аппарат.

Во введении зафиксирована современная историографическая ситуация вокруг затрагиваемой проблемы. С опорой на широкий спектр исследований прибалтийских историков определены роль и место националистических организаций Латвии, Литвы и Эстонии в германской экспансионистской и оккупационной политике, проведении карательных операций против мирного населения.

В разделе I «Накануне Великой Отечественной войны: предпосылки коллаборационизма в Прибалтике» представлены документы, затрагивающие внутреннее положение в прибалтийских республиках, их внешнеполитический курс и особенности взаимоотношений с соседями. Вызывают интерес документы, посвящённые реакции руководства республик на контакты между Германией и Советским Союзом. Так, в отчёте полномочного представителя СССР в Эстонии К.Н. Никитина за период с 27 августа по 13 сентября 1939 г. отмечалось: «Заключение... пакта о ненападении

произвело на Эстонское правительство настолько ошеломляющее впечатление, что оно буквально растерялось и чувствовало себя на первое время совершенно дезориентированным» (т. 1, с. 55).

В условиях начавшейся Второй мировой войны прибалтийские республики не смогли выстроить новый внешнеполитический курс и оказались в сфере влияния Советского Союза, что в итоге привело к их вхождению в его состав. События, предшествовавшие подписанию соответствующих договоров, а также реакция на них местной элиты и националистических организаций нашли отражение на страницах сборника. Одним из препятствий для строительства новой, советской системы управления являлся национализм кадрового аппарата государственных органов — как бывших, так и новых. К примеру, в докладной записке уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Литовской ССР Н.Г. Позднякова о политико-моральном состоянии населения республики от 21 октября 1940 г. отмечалось: «Особый вопрос — это литовский шовинизм. Его проявления можно наблюдать не только в низах, но и у отдельных руководящих работников (т. Палецкис, Мицкис и отчасти наркомпрос Венцлова). Приходится на этот рецидив прошлого пока реагировать сдержанно из опасения несвоевременным вмешательством лишь усилить шовинистические настроения» (т. 1, с. 96).

К сожалению, составители уделили недостаточное внимание положению, в котором оказались бывшие военнослужащие национальных армий после 1940 г. Процесс интеграции их частей в состав РККА, завершившийся формированием на их базе трёх территориальных стрелковых корпусов, сопровождался демобилизацией личного состава и репрессии-

ями, что привело к росту антисоветских настроений. В период немецкой оккупации они заняли важное место в структуре коллаборационистских вооружённых формирований. Вообще руководство новых союзных республик столкнулось с проблемой роста антисоветских настроений, что выражалось в проявлениях как пассивного, так и активного сопротивления. Не последнюю роль здесь играли подпольные националистические организации, борьбу с которыми активно вели местные органы внутренних дел.

В сборнике приведены документы о деятельности и ликвидации ряда таких организаций. Например, латышская организация «Тевияс саргс» «ставила своей задачей объединение всех националистически настроенных латышей и подготовку вооружённого восстания с целью свержения Советской власти и восстановления “независимой национальной Латвии”» (т. 1, с. 129). Аналогичные цели декларировались и «Гвардией обороны Литвы»: «Организация литовцев в ряды обороны; жертвовать собой в интересах Литвы; вести успешную и решительную борьбу против ассимиляции, покорения и уничтожения литовской нации; беспрерывно бороться за свободу и независимость литовской нации; за литовскую культуру, за католичество и частную собственность» (т. 1, с. 145). Документы, опубликованные в разделе I, дают представление о распространённости националистических идей среди населения прибалтийских республик.

В разделах II—IV опубликованы документы, рассказывающие о коллаборационизме в Прибалтике. Хронологически они охватывают период с лета 1941 г. до полного освобождения территории республик от захватчиков. Они свидетельствуют, что с первых дней войны подполье начало оказывать поддержку наступающим

германским войскам. Так, в кратком описании боевых действий 5-го мотострелкового полка войск НКВД за период с 22 июня по 13 июля 1941 г. отмечалось: «В г. Риге враждебные элементы развернули активные действия: наводили панику в тылу армии, деморализовали работу штабов, правительственных и советских учреждений, тормозили эвакуацию ценностей и совершали диверсии. Враги установили на колокольнях церквей, башнях, на чердаках и в окнах домов пулемёты, автоматы и вели обстрел улиц, зданий штаба СЗФ, ЦК ЛКП(б), СНК, телеграфа, вокзала и НКВД. Такое положение заставило развернуть самую жестокую борьбу с контрреволюционным элементом в городе» (т. 1, с. 154). В политдонесении Северо-Западного фронта об активизации антисоветских элементов в тылу армий от 12 июля 1941 г. рассмотрен социальный состав группировок и основные формы диверсий: «Кулачество, фашистские последыши из бывших местных контрреволюционных организаций и сбежавшие из частей бывшие офицеры, солдаты Эстонской армии собираются в мелкие банды для диверсионных действий против Красной Армии. Наиболее распространённой формой диверсии является обстрел из населённых пунктов и лесов мелких подразделений, колонн и одиночных автомашин наших частей, проходящих по дорогам. Выстрел из-за угла по командирам также излюбленный метод бандитов. Банды занимаются разрушением линий связи и мостов в тылу наших частей. Вместе с тем контрреволюционные элементы расправляются с местным советским активом» (т. 2, с. 12).

Составители уделили внимание мотивации сотрудничества с оккупационными властями: «Уровень вовлечения бывшего кадрового аппарата прибалтийских довоенных режимов,

в особенности диктатуры К. Улманиса, в “самоуправленческие”, полицейские, полувоенные, военные и другие структуры Остланда был весьма высоким, а отказы от коллаборации по идейным соображениям, наоборот, были единичными» (т. 1, с. 29). Подчёркнуто, что основой этого стал национализм, выступавший идеологией режимов А. Сметоны (Литва, 1926—1940), К. Улманиса (Латвия, 1934—1940) и К. Пятса (Эстония, 1934—1940). С осени 1941 г. националистические организации предпринимали попытки восстановить независимость прибалтийских республик, приступив к формированию национальных правительств. Однако они прекрасно понимали, что в условиях «нового порядка» будущее целиком и полностью зависит от благосклонности Германии. К примеру, об этом прямо говорится в меморандуме «О правовом положении и фактической ситуации в Литве после окончания большевистской оккупации»: «Временное правительство является для литовской общественности знаком того, что литовское государство восстановлено вновь, что оно вступает в жизнь новой Европы вместе с великой Германской империей и при её поддержке» (т. 1, с. 265—266). Новые правительства оказались встроены в систему управления рейхскомиссариата Остланд. Стоит отметить, что вопрос организации оккупационной администрации и роли в ней местных националистов освещён в сборнике недостаточно, представленные документы не позволяют его рассмотреть комплексно.

Наиболее ярко показано, что одним из основных направлений деятельности оккупационной администрации явилось формирование охранных и полицейских подразделений, которые приняли активное участие в карательных операциях против

мирного населения на захваченной территории СССР. Приведённые материалы освещают их подробно и основательно. Так, становится ясно, что преступления они начали совершать ещё до прихода германских войск. В сводке № 19 шефа полиции безопасности и СД о положении в СССР от 11 июля 1941 г. отмечено: «После отступления Красной Армии в результате спонтанного погрома населением Ковно было убито 2 500 евреев» (т. 1, с. 254—255). Согласно документам о карательной операции «Зимнее волшебство», проведённой оккупантами в северных областях Белорусской ССР и в Себежском районе Псковской обл., в ней оказались задействованы 7 латышских батальонов и 1 литовская рота. «137 бандитов (т.е. партизан. — С.К.) убито в бою, 1 807 бандитов и их пособников расстреляны, 51 бандит арестован. Свыше 2 000 чел[овек], которые не были уличены в бандитской деятельности, эвакуированы из захваченных деревень и направлены в лагерь Саласпилс под Ригой» (т. 1, с. 185—186). В материалах следствия по делу членов карательного отряда при Латышской вспомогательной полиции безопасности СД отмечено, например, что обвиняемый «Ванагс в июле 1941 г. систематически участвовал в массовых расстрелах советских граждан в Бикерниекском лесу близ г. Риги; специально в составе команды отряда Арайса выезжал в г. Либаву, где производил аресты, а затем в течение двух дней расстреливал арестованных... в качестве вознаграждения получал ценности, награбленные у расстрелянных. Как установлено следствием, в Бикерниекском лесу г. Риги... истреблено 46 500 советских граждан» (т. 1, с. 227—228).

При этом служащие латышских батальонов не гнушались грабежом мирного населения: «Шуцманы возвратились домой с богатой добычей и теперь похваляются своими “славными” делами» (т. 1, с. 187). Такого рода массовые преступления усиливали неприятие оккупационного режима и создавали базу для партизанского движения.

После освобождения Прибалтики националистические и коллаборационистские организации ушли в подполье и развернули борьбу против советской власти. Этому посвящён раздел V «Борьба с националистическим подпольем после изгнания германских захватчиков». Помимо документов НКВД, НКГБ, партийных и государственных учреждений интерес вызывают статистические данные о жертвах со стороны населения и органов правопорядка, хорошо иллюстрирующие масштабы вооружённого противостояния. К февралю 1947 г. бандформированиями было убито 7 276 человек, ранено 1 253, взято в плен 856, из них правоохранителей — 1 270, 896 и 71 соответственно (т. 2, с. 246—255).

Подводя итог, отмечу, что рассматриваемый сборник вносит весомый вклад в изучение коллаборационистского движения в годы Второй мировой войны, многие приведённые в нём данные будут интересны не только исследователям этого явления, но и широкому кругу читателей.